

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
17 June 2010
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

**Рассмотрение докладов, представленных
государствами-участниками в соответствии
со статьей 40 Пакта**

Российская Федерация*

**Соображения Российской Федерации относительно
заключительных замечаний Комитета по правам
человека (CCPR/C/RUS/CO/6)**

[19 февраля 2010 года]

* В соответствии с информацией, направленной государствам-участникам в отношении оформления их докладов, настоящий документ до его передачи в службы письменного перевода Организации Объединенных Наций не редактировался.

**Соображения Российской Федерации относительно
заключительных замечаний Комитета по правам
человека по итогам рассмотрения шестого
периодического доклада Российской Федерации
о выполнении положений Международного пакта
о гражданских и политических правах**

1. В соответствии с частью 5 статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах Российская Федерация считает необходимым высказать следующие соображения относительно заключительных замечаний Комитета по правам человека по итогам рассмотрения шестого периодического доклада Российской Федерации о выполнении положений Международного пакта о гражданских и политических правах.
2. Вызывают озабоченность настойчивые попытки Комитета в пункте 13 заключительных замечаний возложить на Российскую Федерацию ответственность за события, произошедшие в августе 2008 года в Южной Осетии, и игнорирование обстоятельных разъяснений на сей счет, представленных членами российской делегации в ходе защиты доклада.
3. В этой связи Российская Федерация считает необходимым вновь акцентировать внимание Комитета на том, что Россия не несет ответственность за действия членов каких-либо вооруженных формирований, помимо Вооруженных Сил Российской Федерации. Уголовное преследование таких лиц за возможные преступные действия в ходе августовского конфликта относится к юрисдикции Республики Южная Осетия.
4. Государственные органы Республики Южная Осетия самостоятельно осуществляют на территории республики всю полноту государственной власти и самостоятельно решают задачи, в частности, в таких сферах, как обеспечение безопасности населения, регулирование пограничного режима, соблюдение прав человека, в том числе перемещенных лиц. Действия югоосетинских органов власти, а также находящихся на территории республики лиц, полностью подпадают под юрисдикцию Республики Южная Осетия.
5. Российская Федерация никогда не осуществляла эффективный контроль (равно как и неизвестный международному праву "фактический контроль") на территории Южной Осетии. Правовым основанием для ввода в Южную Осетию и затем собственно в Грузию российских войск в августе 2008 года стало право на самооборону, закрепленное, в частности, в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций. Основания для реализации права на самооборону возникли у Российской Федерации в результате крупномасштабного нападения Грузии на миротворческие подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации, находившиеся в Южной Осетии на законных основаниях и с согласия Грузии. В соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций Совет Безопасности был проинформирован российской стороной о реализации ее права на самооборону. Российская военная операция преследовала единственную цель – прекратить нападение Грузии и предотвратить возможность повторных нападений. Ее организация и проведение были строго пропорциональны угрозе со стороны Грузии. По окончании вооруженного конфликта подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации были выведены с территории Грузии в соответствии с достигнутыми договоренностями. При этом российские вооруженные си-

лы ни в самой Грузии, ни в Южной Осетии законные власти не подменяли. Никаких правовых актов, обязательных для местного населения, ими не издавалось.

6. В настоящее время присутствие в Южной Осетии российских военнослужащих обусловлено приглашением принимающего государства и закреплено в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 августа 2008 года, а также - применительно к пограничным войскам - в Соглашении о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия от 30 апреля 2009 года. При этом мандат российских военных строго ограничен функциями по поддержанию безопасности Республики Южная Осетия от внешних угроз, а их численность – менее трех тысяч человек – не сопоставима с общепризнанными случаями эффективного контроля.

7. В этой связи нет каких-либо оснований утверждать, что российская сторона в ходе августовского конфликта, а равно до и после него осуществляла и/или осуществляет фактический или эффективный контроль над территорией (населением) и/или властями Южной Осетии и Грузии. Более того, в Докладе Независимой международной миссии по установлению фактов, связанных с конфликтом в Грузии, отмечается, что множество случаев нарушения международного гуманитарного права и права в области прав человека произошло и "было вызвано действиями групп ополченцев со стороны Южной Осетии, которых регулярные части вооруженных сил России не контролировали или не могли контролировать".

8. В свете изложенного рассматриваем как безосновательные утверждения Комитета о контроле над Южной Осетией со стороны Российской Федерации и ее ответственности за якобы совершенные в Южной Осетии преступления "вооруженными группами под контролем России", а соответствующие замечание и рекомендацию Комитета по правам человека – как не относящиеся к Российской Федерации. При этом, как известно, в настоящее время в Международном Суде и Европейском суде по правам человека идут инициированные Грузией разбирательства против Российской Федерации, в которых вопрос об эффективном контроле может стать одним из основных. Включение утверждений об эффективном контроле в заключительные замечания Комитета по итогам рассмотрения шестого периодического доклада России (CCPR/C/RUS/CO/6) расценивается нами в качестве попыток вмешательства в деятельность международных судебных органов, занимающихся рассмотрением указанного вопроса, и оказания на них давления.

9. В этой связи Российская Федерация не может принять рекомендации Комитета, содержащиеся в пунктах 13 и 30 (в части, касающейся предоставления в течение года информации о выполнении рекомендации Комитета по ситуации в Южной Осетии) заключительных замечаний, и настаивает на их исключении из упомянутого документа.